

ЧАСТЬ 1

ВРЕМЯСКОК

ГЛАВА 1

РАЗБИТЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

Антон не хотел переезжать. Все ему говорили, что он боится, а он просто не хотел. Он прожил в этом доме — пусть небольшим и обветшавшем, но зато окруженном любимыми с детства цветами и деревьями — четырнадцать лет. Аргументы мамы, конечно, были весомыми: новая большая квартира, собственная отдельная комната, стеклопакеты вместо растрескавшихся рам... Правда, нет своего двора, зато какой вид из окон с седьмого этажа и балкон...

— Жалко сад... — вздохнул он.

— Ага, ты как у Чехова, этот, который страдал, что черешневый сад надо продавать, — прыснула Женя.

— Вишневый, — поморщился Антон.

Его раздражало, что Женя такая веселая и его тревоги по поводу переезда не разделяет. А ведь она не только его одноклассница и соседка, но и лучший друг. Могла бы и посочувствовать.

— Ой, нет, знаю, знаю — ты как домовенок Кузя! — снова засмеялась она. — Помнишь, когда его избушку снесли. Ну вылитый ты!

Это тоже было не смешно, но Женя прямо заливалась.

А теперь в школу Женя будет одна в маршрутке ездить, без Антона. А раньше так хорошо было: пропустил нарочно свой автобус — и в лес, до самого шестого урока. Они прогуливали всегда вдвоем, с самого первого в своей жизни прогула, и с утра до середины дня по будням лес был только их, и поле, и начинающийся за полем орешник.

Уже потом, проводив Женю до соседнего дома, угнездившись в кровати, отправив ей тошнотный смайлик, он признался себе, что все-таки боится. И больше всего его пугают не сами перемены, а неизвестность, которая эти перемены сопровождает. Что все, что сейчас впереди, — все это какое-то невнятное. И на самом деле для него это событие мирового масштаба, а не какой-нибудь там пустячок. А потому он совершенно полноправно может разрешить себе не разделять общих восторгов: расширение, городская квартира, новая жизнь. Ему и в старой было хорошо. А скажи он это вслух — все бы начали упрекать его в недальновидности, неблагодарности и эгоизме.

А ведь если бы не этот переезд, Антон бы не нашел ту самую проклятую коробку и не рухнула бы в одночасье их с Женей тихая, мирная жизнь. И не пришлось бы из-за коробки потом переезжать не просто в другой город — а в столицу. Не пришлось бы целый год жить в бегах, каждый день опасаться, прячась, ожидая неминуемой расплаты.

Но всего этого Антон тем вечером не знал, поэтому немного погрустил о прошлом, пожалел себя, а когда Женя наконец прислала ему в ответ танцующий смайлик, он уже заснул.

* * *

Женя говорила — это все потому, что мать Антона снова вышла замуж. И отчим — Сергей Александрович — привнес в их жизнь перемены: в том числе надоело ему ждать обещанного расселения, и придумал он продать Антонов старенький дом. Не только придумал, но и продал за неприличные какие-то деньги, такие, что на эти деньги они могли себе позволить сделать в новостройке ремонт, поменять машину, на образование Антону и сестре отложить и еще на отпуск в конце учебного года оставалось.

Антон против Сергея Александровича ничего не имел. Не называл его папой, обращался к нему «Сергей» или «Сергей Александрович», но мирился с его существованием и даже по-своему уважал. Например, когда они с Женей однажды обмазали все машины на стоянке голубой глиной и расписали словами «Бойтесь, к вам идет полтергейст» (это они, насмотревшись новой части «Астрала», якобы от имени полтергейста сделали), машину Сергея Александровича он даже предложил пощадить. Но Женя уверила, что тогда это будет слишком явная, указывающая на них улика. Так что тачку они все-таки упачкали, и Сергей Александрович всыпал тогда обоим, потому что Женя — она, считай, как член семьи...

На смотрины новой квартиры Женю, как почетного «почти что члена семьи», тоже взяли. Ей квартира страшно понравилась, особенно лоджия — крытый балкон с умопомрачительным, по ее скромному мнению, видом — и Антонова пятиугольная просторная новая комната. Но из уважения к лучшему другу она как могла напускала на себя унылый вид и изо всех сил искала недостатки в новом жилище.

В тот день Женина мама работала в вечернюю, и они, как всегда бывало в таких случаях, куковали у Жени. Смотрели сериалы и ели бутерброды с сыром без хлеба — это когда топишь сыр в микроволновке прямо в тарелке, а потом ешь его как спагетти, наматывая на вилку. Мешали колу с растворимым кофе, чтобы проверить достоверность слухов о том, что это якобы бодрит лучше любого энергетика.

Женя гнула свое: кофе — это такой взрослящий напиток. Гадость редкостная — без сахара горчит. Сахара пересыплешь — тогда и горчит, и зубы от приторной сладости при этом сводит. Добровольно эту жижу можно пить, только чтобы казаться себе самому, а заодно и всем вокруг страшно важным и серьезным.

Антон, весь в себе и в своих личных, связанных с переездом переживаниях, пробормотал что-то насчет того, что взрослеть как-то особого резона нет. И так неплохо все. Женя потребовала: аргументируй. В ее понимании, чем скорее они вырастут, тем скорее начнут уже наконец путешествовать по миру. Полетят в Таиланд посмотреть на обезьянок — их там, если верить передачам, столько же, сколько у нас голубей на улицах. И они там прямо по улицам и прыгают.

Да потому что чем старше он становился, тем больше неинтересных или ненужных ему вещей приходилось делать.

Например, каких?

Например, ухаживать за сестрой. Ей-то вообще хорошо, быть младшим всегда лучше, чем старшим, — так думал Антон. Все лучшее — тебе. А Антон здоровый конь, пусть занимается всем, чем никто заниматься не хочет: дома убирай, за сестрой смотри, по кружкám ее води, за огородом следи, машину Сергея Александровича мыть помогай, листовки летом раздавай, учись хорошо, заканчивай школу, куда-нибудь поступай.

К Жене мама настолько крепко не приставала. Хорошо иметь все-таки одного родителя, а не двоих.

Их мамы познакомились много лет назад — две одинокие дамочки, одна с двумя детьми, другая с одним (зато с оторвой). И оказалось, что они живут практически по соседству. Только мама Антона, на его взгляд, все-таки была гораздо строже, а вот у Жени дома хоть на голове ходи, хоть перебей все окна — ее мать только ругалась, и то скорее устало, чем сердито, и практически никогда ни за что не наказывала.

Женя очень любила розыгрыши, а Антон любил Женю, поэтому розыгрыши они устраивали в основном вместе, и довольно скоро за их парочкой закрепились слава яростных шутников, которых побаиваются в школе, но уважают. Соседи (которые уже скоро станут для Антона соседями бывшими) отзывались о них крайне неодобрительно, а все уличные собаки и коты шарахались при одном их виде.

В общем, всякого рода подставы и шутки — от тупых, простых и безобидных до сложных и даже опасных — это была

такая привычная часть жизни, что Женя сначала решила, будто Антон ее насчет переезда разыгрывает. Потому что, когда им было лет по девять, она однажды устроила целый спектакль: собрала все их с матерью имущество, которое смогла сдвинуть с места, расставила по углам принесенные из магазина «Продукты 24» коробки, скорчила скорбную мину и объявила замогильным голосом остолебеневшему от удивления Антону, что «уезжает насовсем, целиком, далеко и навсегда». Тут она, видно, решила, что Антон организовал ей такую вот запоздалую ответочку.

И потому, из-за этих самых извечных подколов, она сначала долго не верила, что эта коробка — настоящая.

* * *

За несколько недель до того, как Антон обнаружил у них дома *ту самую коробку*, Женина мама впервые, кажется, за все время их знакомства разозлилась на Женю по-настоящему. Потому что они с Антоном разбили телевизор.

Они поспорили: бейсбол — дурацкая игра или все-таки нет? Сначала спорили в теории, а потом перешли к практике. Так и влетел в плоский экран телевизионного приемника круглый металлический подсвечник с нарисованным пузатым петухом, который с чего-то им показался достойной заменой бейсбольному мячу.

Сначала Женина мать ругала ее при Антоне, потом ругала и Антона тоже, а после выставила его за дверь. Он было испу-

гался, что обо всем узнают родители, но Женина мать так им ничего и не рассказала.

А Женя все выходные просидела дома, на телефон не отвечала, и увиделись они только в школе в начале новой недели. Женя была горем убитая, злая и тихая. Она злилась все уроки до большой перемены, а на перемене сообщила Антону, что ненавидит свою мать. Так прямо и сказала. С такой глубиной, что он даже испугался. Ну помирятся они, с кем не бывает. Тогда Женя обозвала его поленом и дураком с эмоциональным диапазоном как у чайной ложки или вообще зубочистки, и расплакалась. Антон аж отшатнулся — он терпеть не мог, когда плачут, особенно женщины, тем более Женя, которая не плакала практически никогда.

Плача, Женя пересказала все самые обидные места их разговора с мамой. Антон подавленно молчал. С тем, что Женя злой, недобрый и бесцельный человек, он был категорически не согласен, но оспаривать эти обвинения не мог — во-первых, Женя не затыкалась и не давала ему и слова вставить, во-вторых, Женина мама эти обвинения довольно логично аргументировала.

Она телевизор покупала в кредит, очень старалась, еле его закрыла — получается, просто чтобы собственная дочь его раскурочила. Мама пророчила Жене походы если не к психологу, то в детскую комнату полиции точно и прочие неприятности. Сетовала на то, что, если в свои-то годы Женя так себя ведет, что же ждет ее и заодно ее бедную маму в будущем.

Антон похлопал ее по плечу. Его сочувствие не утешило убитую горем Женю — ей хотелось бежать из дома и никогда не возвращаться, чтобы мама кусала локти, плакала и жалела, что лишилась из-за своей черствости единственной дочери.

Антон понимал, что все это бред, но из солидарности не прерывал Женины фантазии. Это было глупо и не всерьез. Женя никогда не убегала дальше его дома, а все ее «уходы насовсем» не продолжались дольше одной ночевки в гостях у Антона.

* * *

В конце той недели они всей семьей пошли смотреть балет на льду: по мнению Антона — бред сумасшедшего. Но мама любила фигурное катание, Сергей Александрович любил маму, сестренка любила фиксиков, так они на это двухчасовое замучество и попали. Антон свою семью тоже любил и от бесконечных сборов и запаковок устал не меньше остальных, так что, когда дядя Сережа торжественно объявил субботу «днем отвлечения от переезда», он и не возражал.

Он сидел в холодном зале стадиона в куртке и шапке, не смотря на апрель месяц, и украдкой писал Жене. А Женя, которая все еще была под арестом, украдкой ему отвечала.

Из-за отвратительного звука Сергей Александрович не мог разобрать ни одного вылетающего из огромных колонок слова, а без слов действие на катке было в принципе не понять. Увлеченную созерцанием каких-то замысловатых околобалетно-фигуристских па мать отвлекать не стоило. Сестренка

искренне заинтересовалась судьбой собравшихся на войну то ли с демонами, то ли с коренными — в человеческий рост — зубами фиксиков. И Сергей Александрович, сочувственно наблюдая за околевающим от скуки Антоном, предложил ему прогуляться, заглянуть в буфет спортивного комплекса.

— Что, подружка твоя все еще в опале? — сочувственно спросил он, пока Антон яростно жевал бутерброд с укропом и сыром, обжигаясь горячим чаем.

Антон согласно промычал в ответ и рассерженно пожал плечами — сколько уже можно Женю наказывать. Неужели Женина мать не понимает, что страдает от этого и он тоже.

Весна выдалась какая-то поздняя. Везде лужи и серый кашеобразный снег. Это вам не Таиланд.

— Ты извини меня за это, — Сергей Александрович кивнул в сторону зала, — но наши женщины устали от бесконечных сборов и прочих побочных эффектов переезда. Ты молодец, держишься стойко, я хочу сказать.

Они немного еще постояли, полные мужской солидарности и даже какой-то уверенной ответственности за благополучие их семьи. Антон тогда еще подумал, что есть же все-таки и свои плюсы в том, чтобы быть взрослым. Как же он ошибался.

— Уже две машины вещей перевезли, твоя с Лизой комнаты осталась, — вернул его с небес на землю Сергей Александрович. — Помоги сестренке и свой хлам разбери, там наверняка столько всего придется повикидывать...

— Не надо выкидывать, — пробурчал Антон.

— Ну, тебе, конечно, виднее. До понедельника управишься? Антон хмуро кивнул.

С виду коробка напоминала обычный жесткий диск, только ни проводка, ни разъема у нее не было. А на ощупь была теплая, как нагретый от долгого разговора мобильник, и тихонечко вибрировала. Даже не вибрировала — еле слышно гудела.

Из чего она была сделана — непонятно. Металл — не металл, пластик — не пластик. Гудение не прекращалось. По бокам коробки виднелись выпуклые кнопки. Антон наугад нажал на одну из них — гудение смолкло, но больше ничего не произошло. Она по-прежнему оставалась теплой — чуть больше смартфона, чуть меньше карманной книжки.

Откуда она взялась у Лизы под кроватью и сколько времени там пролежала, оставалось загадкой. Судя по слою пыли — немало. Антон встал на колени и в третий раз подряд заглянул под кровать, посветил фонариком туда, где раньше стояла Лизина корзинка со старыми игрушками. За ней-то и обнаружилась коробка. Паркет в том месте был темнее, но это давно уже стало так — осталось темное пятно от шкафа, стоявшего когда-то у стены. Потому-то сюда и поставили Лизину кровать во время ремонта — чтобы закрыть пятно.

Значит, коробка появилась тут уже после ремонта. А ремонт был два года назад, после переезда к ним Сергея Александровича.

Антон вылез из-под кровати и отправился искать Лизу. Потом пошел звонить Жене, потому что разговор с сестрой

ничего не прояснил: она знать не знала, откуда у нее под кроватью взялось непонятного рода устройство, и посоветовала рассказать обо всем маме. Антон обозвал Лизу неразумным дитем, и на этом их разговор завершился.

Женя говорила шепотом, потому что все еще была наказана. Находка ее не заинтересовала совершенно, зато, отсидев дома целые выходные, она, по ее словам, «высидела» потрясающий план розыгрыша их с Антоном излюбленной жертвы — соседки Марии Семеновны, зануды и сплетницы.

Та, как порядочная одинокая женщина средних лет, отлично разбиралась почти во всем, в особенности в вопросах воспитания детей, и считала своим долгом как можно тщательнее просветить в этих вопросах если не всех людей, то хотя бы ближайших соседей.

— Ей, типа, придет письмо от Первого канала. Что ее к Малахову приглашают в студию. Рассказать о нравственности и морали.

— Ну и?

— Ну и чего, она же всем сразу хвастаться побежит. Во-от, мол, какая я высокоморальная, меня аж на телевидение приглашают. Наверняка еще придет к маме злорадствовать, что я телик разбила и мы ее там не увидим...

— Ну а в чем розыгрыш?

— Ну в чем, в том, что никакого письма нет. Это я его написала. Не переживай, я его уже отправила, пока ты там на льду прохлаждался.

— Жень... ну я не знаю, Жень, там же можно по айпи проверить, с какого компьютера отправлено...

— Да будет она проверять, ага, конечно. Не бойся, чего же ты боишься? Мы ее на телефон снимем и в интернет выложим. Она проснется знаменитостью!

В ту ночь Антон спал очень плохо. Продолжающую гудеть коробку он положил под подушку, и мысли его вращались в основном вокруг этой непонятной машинки. Процессор не процессор. От чего он? Зачем? Жаль, в технике он не разбирался. И непонятно, для чего ему эта штука, но почему-то он решил, что оставлять ее под кроватью сестры нельзя. И выкидывать нельзя: то ли жалко, то ли еще что-то, и непонятно толком что, но беспокойно. Было как-то тревожно. Потом мысли перетекли к Жене — и стало еще тревожнее. Наконец он заснул, но тревога проследовала за ним в сон, и ему приснилось, что Женя предлагает на спор зацементировать себя в большом, огромном котле посреди бесконечной серой стройки, и он вроде как не соглашается, но уже ступает в вязкую тяжелую жижу, и тут гаснет свет.

ГЛАВА 2

ОСТАНОВКА ВРЕМЕНИ

В первый раз коробка заработала на уроке истории. Историчка — божий человек — бубнила себе под нос то, что ей было положено бубнить, и урок фактически из раза в раз превращался в «окно». Правда, год подходил к концу, и неплохо было бы уже попытаться взять себя в руки и что-то учить. Они потому и пришли на урок сегодня — историчка вообще спокойно относилась к отсутствию трети класса, и Женя предлагала вовсе прогулять, но Антон, хмурый с утреча от ночных кошмаров, настаивал — мол, год на исходе, надо бы сходить, и так далее и тому подобное.

Теперь оба маялись от скуки в привычной для себя дислокации — середине классной комнаты, и не совсем задние ряды, к которым у нормальных учителей повышенное внимание, и не первые парты, где тоже все замечательно видно. А родная золотая середина. Вот тогда-то Антон и достал из рюкзака коробку.

Женя поднесла коробочку к уху на манер телефона, чтобы услышать гудение. Но гудение в классе, видимо, полностью перекрывало гудение коробочки. Потом потрясла. Потом попыталась скосырнуть ногтем припаянную крышечку.

— Цвет еще тоже какой-то непонятный, — старался донести свое удивление Антон, — и не серый, и не коричневый, не знаю, бесцветный какой-то...

— А чего за кнопки сбоку?

Кнопочки были похожи на пупырышки воздушно-пузырчатой пленки, которой обычно укутывают бытовую технику. Такие же вот мягонькие и будто бы наполненные воздухом. Женя понажимала на все три кнопки по очереди, потом на все три разом — коробочка загудела как бешеная, и мир остановился.

* * *

Замерло абсолютно все — даже пылинки, которые еще вот только что, секунду назад, медленно плавали в луче утреннего солнца. Антон сначала тоже замер, но от удивления — не удивился даже, а буквально остолбенел. Время шло, а все вокруг оставалось совершенно неподвижным — одушевленное и неодушевленное, начиная с хомяка Егора, который жил в клетке в их классе уже год, и заканчивая историчкой. Одноклассники застыли в нелепых и странных позах: кто ковырялся в носу, тот так и остался с засунутым в ноздрю пальцем, кто шептался — замер, склонившись к уху соседа.

Время шло, коробка гудела, Антон никак не мог наглядеться на то, что творилось вокруг. В глубине души он сразу подумал: «Коробка», — хотя это было и невозможно, и тупо, и в реальной жизни так не бывало.

Но ведь оно так было.

— Это что, шутка такая? — сказала Женья.

Она выпала из оцепенения быстрее и теперь со смесью раздражения, восхищения и чего-то еще во все глаза пялилась то на Антона, то на застывший в разных позах безмолвный класс.

— Это ты устроил? Как ты их уговорил?

Антон продолжал ошарашенно молчать.

— Эй, народ, bravo! Я действительно купилась!

И снова вот ничего не произошло.

Женья вскочила, Антон машинально встал вместе с ней и, как болванчик, потащился следом по классу. Женья выглянула в коридор, и дверь — старая дверь с держащимися на добром слове пластами облупившейся белой масляной краски, которая при каждом движении издавала душераздирающий визгливый всхлип, — открылась беззвучно.

Коридор был пуст и тих. Но это еще ничего не объясняло: урок же, кому сейчас скакать по коридорам? Антон ринулся в рекреацию с окном, но и на улице не было видно ни одного движения. Заморозился весь мир. Где-то сзади и слева Женья взвизгнула. Она заглянула в туалет для девочек и обнаружила там какую-то младшеклассницу, застывшую над раковиной. Вода из открытого крана висела единой соплей — без брызг и без движения.

— Офигеть, — простонала Женя.

«Кошмар какой», — подумал Антон.

Антон понимал, что это все глупо и так не бывает, но все равно изо всех сил вдавил все три кнопочки на матовом теплом боку агрегата обратно — так вдавил, что аж костяшки пальцев побелели. Коробка пискнула и затихла, стоящая перед раковиной девочка испуганно пискнула тоже и отшатнулась от плюющегося водой крана.

* * *

— Это не я! По чести, по совести, не я! Говорю же тебе, это коробка!

Женя только закатила глаза:

— Хорошо, ладно. Не ты. Но все-таки как ты это сделал? Вы все сговорились, да?

— Да нет!

— Так таки да или таки нет?

Антон застонал.

Они сидели на полу в Антоновой без пяти минут бывшей комнате — он привел Женю сюда, чтобы показать место, где нашел коробку. Чувствовал он себя при этом так, будто не спал два дня, потом глотнул шампанского, как в Новый год, затем заснул на десять минут, проснулся — и теперь все мерцает и болит и голова ничего не соображает.

— Хорошо, ладно. Давай тогда проверим. Дай *ее* сюда.

— Нет, что ты, не трогай, не надо, — заволновался Антон.

— А-а-а, так все-таки это твоих рук дело? Это фокус, да? Нет? Тогда давай сюда коробку!

Женя схватила первую попавшуюся вещицу — Лизкину мягкую игрушку — и подкинула ее к потолку, надавив другой рукой на кнопки коробки. Игрушечный песик застыл в полете.

Женя присвистнула и восхищенно посмотрела на Антона. Антону показалось, что у него болят зубы.

После того как песик снова упал на пол, Женя залилась счастливым смехом. Таким, как будто все у них с Антоном отлично и они только что не останавливали время.

Остановили. Время остановили. Они. При помощи коробки. Время. Застыло. У Антона эта мысль никак не желала уместиться в голове. Он даже руками свою кудрявую голову обхватил для верности — все равно не уместалась.

— Тони, это офигеть!

Антон кивнул.

— Это просто офигеть что такое!

Женя справлялась с шоком по-своему — она больше не могла усидеть на месте и потому хаотично носилась по комнате, временами припрыгивая и разве что не подвывая от восторга.

— Нет, ты можешь себе *это представить?*

Антон не мог.

— Это... это так круто, что у меня реально нет подходящих слов. Все слова не подходят.

Она взвизгнула:

— Ты представляешь, как мы теперь заживем?! Теперь начнутся совсем другие песни!

Женя нажала на кнопки, сунула коробочку в карман и побежала на улицу. Антону ничего не оставалось, как кинуться следом.

* * *

Сколько времени — сколько *реального времени* — длились следующие дни, Антон точно определить не смог бы. Они с Женей как бы просто отрывались, не думая ни о чем, и в какой-то момент он тоже так увлекся, что, как говорится, «отпустил ситуацию» — не то чтобы все понял и смирился, а просто временно забыл. «Я подумаю об этом завтра», — сказала бы обожаемая мамой Скарлетт О’Хара.

Они только и делали, что нажимали на кнопки и глядели, как останавливается мир. Проверяли. Антон все ждал, когда коробка перестанет работать и это все окажется их с Женей общей галлюцинацией. Они даже записывали весь процесс на видео — и видео никуда не девалось, так и оставалось в памяти телефона, раз — и мир замирает, гудение, раз — гудение смолкает и мир шевелится вновь.

Женя трогала застывших в нелепых позах людей, на ощупь они были обычные, не из камня.

Потом они осмелели и расширили радиус действий — добрались до торгового центра «Счастье» на главной площади, слева от вокзала. Наелись сдобной выпечки, потом закусили

бургерами и картошкой на этаже фастфуда. Заходили во все магазины подряд — от «Детского мира» — где был ого-го какой отдел импортной канцелярии — до «Спорттоваров», откуда вытащили из витрины два новеньких самоката и гоняли по этажам, пока не устали.

В холле второго этажа стояли мини-аттракционы, аппараты для сладкой ваты и попкорна, электронный дартс, плейстейшн.

— Цапалка игрушек! — взвизгнула Женя и выронила пакет с булочками. Пришлось плестись следом. Женя прижалась щекой к стеклу и умоляюще посмотрела на Антона: — Есть монетка?

Монетки не было, зато в углу за кассой стоял огнетушитель. Антон разбил стекло только с третьего удара, и все игрушки были спасены. Оказавшись на воле, они, наваленные горой, стали падать на пол.

— Это волшебство, — замороженно прошептала Женя.

Только дома Антон снова разморозил мир. На память о походе в «Счастье» у них осталась куча полезных в хозяйстве вещей и провианта.

Было весело — действительно весело — разыгрывать по мелочи людей во время «паузы» (термин, может быть, и дурацкий, но лучшего они не придумали, да и вообще каждый раз называли *это* по-разному). А потом снова жать на кнопки и с безопасного расстояния, ухохатываясь до болей в животе, наблюдать, как прохожий выливает кофе себе на голову и, обжегшись, обнаруживает, что у него до кучи связаны между собой шнурки на кедах.

Потом они заморозили мир во время контрольной. Она была мерзкая — начинались всякие там репетиции впереди маячившего ЕГЭ, и контрольная как раз была из их числа. Посмотрели, кто что пишет, порылись в столе у классной доски, но и там не нашлось никакой бумажонки с ответами на тест.

— Знаешь, Тони, какое нам теперь вообще собственно дело до всяких там контрольных? — вздохнула Женя. — Вот зачем они нам? Когда есть *это*. Мы же... я хочу сказать, мы можем воплотить все наши мечты.

— Гм. А какие?

— Так сразу и не придумаешь. Ну, например, посмотреть весь мир!

Антон кисло уставился на Женю:

— Самолеты не летают, машины не ездят, забыла? Ты что, пешком весь мир обходить собралась?

Было очень непривычно разговаривать во весь голос, сидя посреди полного класса, и не бояться при этом, что тебя кто-то услышит. Женя зашуршала конфетой, открыла обертку.

— «Марс», — прочитал Антон на этикетке. — Тебя совсем не волнует, что это?

— Не, не особо. Какая разница. Знаешь, когда имеешь дело с волшебством, если начинаешь копать в деталях, все может сломаться. Так всегда бывает.

— Где бывает? Откуда такие познания?

— Ну, в кино, например, бывает.

Антон хмуро молчал. В кино обычно так: кто-нибудь что-нибудь находит, какой-нибудь ключ по управлению миром

или инопланетный артефакт, а потом сразу начинаются неприятности. У вещицы находится хозяин, или целая армия желает заполучить в безраздельное пользование такую необыкновенную реликвию. Ну а дальше уже в зависимости от жанра — то ли полеты к иным мирам, то ли смерть.

— Но ведь знаешь, даже в сказках... как там в прошлом году говорила нам эта, с лошадиными зубами...

— По литературе, что ли, которая?

— Ну да. Как ее, не суть. В общем, в сказках же там этот, волшебный треугольник пути. Дороги. Там герой нарушает запрет, и затем все оборачивается архиплохо.

Женя потом спросила, что это за слово-то такое — «архиплохо», где он его нарыл.

* * *

Тем не менее Антон продолжал мрачно тяготиться находкой, оттого стал, по мнению Жени, излишне мнительным и занудным. Он настаивал на том, что они должны сделать какое-нибудь доброе дело, хоть одно. И если не из личных побуждений, то из инстинкта самосохранения — когда за ними придет правительство или прилетят представители вездешной цивилизации (как вариант — законные хозяева коробки), у них хотя бы будет аргумент в свою защиту: не покладая рук творили добрые дела, помогали страждущим и все в таком духе.

Женин наказ «не думать о плохом» оказался для него невыполнимым.

В конце концов они сторговались на том, чтобы еще разок сходить в «Счастье» и принести Жениной маме оттуда телевизор взамен разбитого.

Телевизор, тонкий и плоский, но огромный и тяжелый, они в итоге повезли в чемодане, прихваченном в одном из магазинов на том же втором этаже супермаркета. И если по застывшим эскалаторам можно было спускаться как по обычным лесенкам, то маневрировать с чемоданом между безвольно стоящими в нелепых позах людьми никак не получалось. Зато теперь они знали, где в торговом центре находится аварийный выход.

И тихо-тихо вокруг. Только шуршание колесиков чемодана по асфальту, какие-то Женины реплики, их с Женей шаги — и все. Антон принялся думать, можно ли считать изъятие телевизора из магазина кражей и, если да, можно ли как-то вычислить, кто именно его упер и где теперь телевизор находится. Так он додумался до видеокамер и чуть не споткнулся. Хотел было поделиться соображениями с Женей, но ничего не сказал — она наверняка бы беспечно отмахнулась в таком духе, что, даже если за ними придет полиция, всегда можно просто нажать «стоп».

Поскольку он все-таки промолчал, домой они добрались в мире и согласии и в общем-то без происшествий. Распаковали телик, Антон, снова поддавшись смутной тревоге, настоял на том, чтобы сжечь в саду картонную коробку с броским логотипом известной марки. Хотели было настроить каналы, но Антоновых познаний в технике для такого рода занятий

оказалось маловато. Так что они просто убрали в Жениной гостиной мусор, перекусили, убрали мусор после перекуса и стали ждать. Сначала, разумеется, запустили время, а потом уже уселись в ожидании Жениной мамы.

Темнело теперь, конечно, гораздо позже, чем, например, месяц назад, но темнота была еще какая-то зимняя, глубокая и неудобная. Страшась встречи с ней, Антон загодя полез включать верхний свет, пусть еще даже и не сумерки. На душе у него по-прежнему было беспокойно. Теперь, в свете лампы, ему казалось, что Женино лицо как-то изменилось. И эта мысль не давала ему покоя. Тревожила она его не настолько, чтобы кидаться к зеркалу в ванной проверять собственное отражение, но и не так, чтобы просто расслабиться и перестать думать об этих едва уловимых переменах.

На следующий день они встретили недалеко от Жениного дома сумасшедшую старуху, сморщенную, как курага, и отчего-то смутно знакомую. Старуха довольно бодро для своего возраста гналась за ними аж до самого магазина и почему-то настаивала на том, что она их соседка Мария Семеновна. Мария Семеновна, конечно, была дама не первой молодости, но это неумняемое существо выглядело явно лет на тридцать старше.

Женя тогда просто испугалась, а Антону следовало бы догадаться, что так оно и бывает, когда начинаешь воровать время, но он не догадался.

ГЛАВА 3

КАРЛИК

В книжках, которые читал Антон, почти всегда описывалась узколобость взрослых. Чаще всего у нее были оправдания: работа, чтобы прокормить семью, усталость от этой работы и каждодневного решения сотни мелких и глобальных проблем, ответственность, которую несли взрослые за самих себя и за своих же детей. Но именно из-за этой узколобости взрослые (в книгах) часто не видели дальше своего носа и понять происходящее были не способны. А увидев — все равно не верили. Женька, сбежавший с острова Двид*, не нашел никакой поддержки у взрослых и спустя полгода борьбы сам чуть было не решил, что ему все примерещилось и приснилось.

* Антон вспоминает героя повести В. Крапивина «Дети синего фламинго».